

УДК 316.74:81 + 930.1(045)

О. А. Матусевич, кандидат исторических наук, ассистент (БГТУ)

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

Статья посвящена анализу современной теории памяти в социально-гуманитарных науках, основных подходов и достижений в изучении социальной памяти в западноевропейской гуманитаристике. Автор приходит к выводу, что на современном этапе в зарубежной гуманитарной науке феномен социальной памяти теоретически недостаточно разработан, что в сочетании с междисциплинарным характером исследований часто приводит к полисемантической терминологии и серьезным противоречиям в научном дискурсе.

The article is devoted to the analysis of the terminology which is used in the modern theory of memory in socially-humanitarian sciences. The author analyzes the basic approaches and achievements in studying of phenomenon of memory in the Western European Arts. The author compares concepts of various kinds of memory, defines their specificity. The author comes to conclusion that in the humanity there is an insufficient theoretical readiness of a phenomenon of collective memory. It leads to polysemantic and ambiguity in terminology and creates serious confusion in a scientific discourse.

Введение. Феномен общих коллективных представлений о прошлом стал объектом изучения более века назад. За прошедший период эта тема из маловостребованной у научного сообщества к концу XX в. превратилась в одну из наиболее популярных и даже элитарных. В основном исследования проводились в рамках анализа социальной (коллективной) памяти. Первопроходцами и основными «законодателями моды» по этой проблеме являются западноевропейские гуманитарии, которые в основном и разрабатывают теорию памяти в социально-гуманитарных науках.

Как показывает анализ современной зарубежной литературы, этими вопросами интересуется все больше ученых. Интенсификация социально-гуманитарных исследований феномена социальной памяти неизбежно ведет к формированию теоретических оснований научных изысканий, к попыткам более строго очертить проблемное поле исследований и разработать понятийный аппарат, а также преодолеть междисциплинарную разобщенность, существующую на данный момент в научном дискурсе. Большинство подобных попыток предпринималось в западноевропейской науке, поэтому целью данной публикации является анализ основных теоретических концепций социальной памяти, созданных в XX в. учеными Западной Европы.

Основная часть. Один из родоначальников и наиболее цитируемый теоретик социальной памяти М. Хальбвакс был позитивистом и основывал свой подход на достижениях гуманитарной науки конца XIX – начала XX вв. [1]. Он объявил коллектив субъектом памяти, считая память коллективной функцией, различал память индивидуальную (автобиографическую) и социальную. При этом последняя является составной частью социального мышления наравне с деятельностью рассудка. Память, по его мне-

нию, функционирует только под контролем рассудка. Содержанием памяти являются воспоминания, т. е. коллективные представления (идеи, суждения, образы), подверженные изменениям под влиянием времени и обстоятельств.

М. Хальбвакс ввел понятие «социальных рамок памяти», которые состоят из социально санкционированных, устойчивых и прошедших проверку временем воспоминаний. По сути, социальные рамки представляют собой социально-мемориальный каркас памяти. В тоже время социальные рамки памяти образованы пространством и временем в их социальном значении (порядок физических и социальных событий, признанный и установленный членами определенной группы), что определяет для индивида «чувство реальности», т. е. пространственно-временной каркас. Забывание и искажение воспоминаний М. Хальбвакс объяснял изменением социальных рамок либо исчезновением групп, которые были носителями памяти.

Коллективная память не только социальна, но также является социально образующей. Она обеспечивает преемственность, создает чувство непрерывности движения и единства в группе, выдвигая на первый план сходство и общее в совместном прошлом. Даже индивидуальная память социальна, поскольку основана на идеях и языковых конструкциях, которые создаются обществом и функционирует в определенных социальных рамках.

В своей концепции М. Хальбвакс не обошел вниманием проблему функционирования памяти в индивидуальном сознании, отмечая активную роль в этом процессе рассудка, который реконструирует воспоминания, искажая их под действием настоящего.

Оригинальную концепцию представил немецкий египтолог Я. Ассман, который проанализировал культуру памяти у древних обществ,

в том числе способы создания воображаемого образа через постижение своего прошлого, что формирует не только чувство единства у членов общества, но и чувство единства с уже ушедшими поколениями. Прошлое, по его мнению, и возникает лишь в силу того, что к нему обращаются. Я. Ассман отказался от антропоморфизации общества, свойственной концепции М. Хальбвакса, отмечая, что «коллективы не обладают памятью, но обуславливают память своих членов» [2, с. 36]. Память формируется у человека в результате коммуникации и социализации, она индивидуальна ввиду своей уникальности (комбинации воспоминаний), но социальна по своему происхождению. Все понятия, идеи, образы, которые по М. Хальбваксу «населяют» нашу память, Я. Ассман назвал «фигурами воспоминания», которые представляют собой «культурно сформированные, общественно обязательные “образы воспоминания”» [2, с. 39]. Поэтому коллективная память является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом настоящего. «Прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» [2, с. 50].

Понятие «коллективная память» Я. Ассман использует как наиболее общее. Коллективная память функционирует в двух модусах: коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память является «живой», охватывает биографические воспоминания, которые связаны с недавним прошлым 3–4-х поколений (приблизительно 80 лет). Культурная память имеет дело с так называемыми обосновывающими воспоминаниями, относящимися к абсолютному прошлому. Она специально учреждается, носит символический и мифологический характер и институционализована. Воспоминания, составляющие содержание культурной памяти, призваны обосновывать идентичность группы.

Я. Ассману удалось разрешить многие вопросы теории памяти в социально-гуманитарном знании. Редкая теоретическая либо обзорная статья по теме памяти обходится без цитирования его идей. Впрочем, спорным является его утверждение, что память шире сознания [2, с. 22], поскольку память наравне с вниманием, эмоциями, познанием является элементом сознания. Поэтому память гораздо более ограничена по своему содержанию и функциям, нежели сознание, которое может управлять образами памяти, вызывать их, стирать и трансформировать, в то время как память осуществляет конкретный набор операций с информацией: запоминание, хранение, накопление, воспроизводство и забывание. Процессы

осмысления, оценки и интерпретации относятся к сфере деятельности мышления, а не памяти. Даже тот образ реальности, который сохраняется в памяти, первоначально преломляется в сознании человека. Поэтому можно говорить, что не существует чистых фактов памяти. И выбор историками или социологами памяти в качестве предмета исследования является достаточно условным.

На проблему соотношения социальной (коллективной) памяти и исторического сознания обратил внимание английский методолог Д. Тош [3, с. 11–29]. Он считает, что коллективная память является надбиологической функцией, хранилищем опыта, позволяющим выработать чувство идентичности и оценить направление своего развития. Это своего рода популярное знание о прошлом. Устную передачу социальной памяти, которая существовала в неписьменных обществах либо безграмотных социальных слоях, заменили СМИ, кино, школьные учебники и популярные исторические издания. По сути, Д. Тош считает социальную память социально мотивированным взглядом на прошлое.

Социальная память обладает характеристиками, которые приводят к серьезным искажениям ее содержания. Во-первых, это уважение к традиции, которое часто может санкционировать замалчивание перемен или вообще отрицать их. Во-вторых, это ностальгия, которая оценивает все изменения отрицательно и представляет прошлое как альтернативу настоящему. В-третьих, вера в прогресс приводит к тому, что все перемены наделяются положительным моральным содержанием. Преобладание той или иной черты определяет вектор эволюции и роль в обществе социальной памяти.

Согласно Д. Тошу, социальная память представляет собой форму исторического сознания. Вторая, более поздняя форма исторического сознания сформировалась под влиянием историзма на основе трех принципов: различия между прошлым и настоящим, понимания истории как процесса и учета контекста. В результате это привело к формированию элитарного (научного) сознания в противовес массовому (обыденному) сознанию, основу которого составляет социальная память.

Рассматривая развитие социально-гуманитарной теории памяти, нельзя обойти стороной концепцию, предложенную французским историком и издателем П. Нора. Исследовательская стратегия, воплощенная им в многотомном издании, была озвучена еще М. Хальбваксом, который отмечал, что для того, «чтобы прикоснуться к исторической реальности [стоящей за воспоминанием – О. М.], необходимо выйти за пределы своего “я”, усвоить точку зрения группы,

увидеть, как тот или иной факт стал памятной датой потому, что проник в круг национальных забот, интересов и пристрастий» [4].

П. Нора призвал изучать не само прошлое, а его репрезентацию в настоящем, не факты, а образы и их эволюцию в социальном пространстве. Он предложил понятие «места памяти», которые представляют собой опорные пункты коллективной памяти, социально-мемориальный каркас, или социальную рамку памяти по М. Хальбваксу. «Места памяти» выполняют интегративную, ориентирующую, идентификационную, конституирующую функции в обществе, могут появляться стихийно или быть специально организованными. Они имеют материальное, символическое и функциональное значение: «места памяти» являются результатом воображения и кристаллизации воспоминаний, для них характерно ритуальное измерение и материальное воплощение. Такими опорными пунктами памяти может быть все, что угодно: историческая личность, здание, учебник, географическая местность – главным условием является наличие символического исторического значения [5].

Активизацию социальных памятей групп в обществе П. Нора связывал с идеологической деколонизацией и эмансипацией меньшинств, для которых утверждение своей памяти равнозначно признанию их особенности большинством, что является способом культивирования своей идентичности.

Множественность памятей, а главное их экспансионистский характер, П. Нора оценивает негативно. «Всеобщая тенденция переписывать прошлое в свете памяти и судить его от ее имени прямо ведет к упразднению любых форм исторического мышления» [6]. Характеризуя современную ситуацию в Европе, и особенно во Францию, он отмечает пагубную тенденцию переписывания истории либо табуирования исследований конкретных событий под давлением групп, носителей определенной памяти. «Мы переходим от скромной памяти, которая лишь просит признания, уважения и хочет войти в большой нарратив коллективной истории нации, к памяти, обвиняющей и уничтожающей эту историю, навязывающей вместо общей интерпретации свое пристрастное и одностороннее видение. Нетерпеливо требующей придать своей версии прошлого официальный статус и оградить ее стеной республиканского закона. Готовой во имя страдания, которое она путает

с истиной, отстаивать свои требования, не слишком задумываясь о средствах» [6].

Если обратиться к основным тенденциям в современной теории социальной (исторической) памяти в немецкой гуманитарной науке, то здесь очевидно влияние психоанализа на изучение содержания коллективных представлений о прошлом и механизмов их функционирования. Такой подход позволил на определенном этапе преодолеть в Германии завесу молчания относительно событий времен гитлеризма, особенно Холокоста. Однако активное смешение теории психоанализа и теории социальной памяти часто ведет к спекулятивности выводов и вульгаризации научных концепций.

Заключение. Теория социальной памяти в западноевропейской гуманитарной науке представлена рядом подходов, которые нередко имеют серьезные концептуальные различия, что в сочетании с междисциплинарным характером исследований приводит к полисемантической и серьезным противоречиям в научном дискурсе.

Литература

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Тош, Д. Стремление к истине / Д. Тош. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. – 294 с.
4. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2005. – № 40–41. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. – Дата доступа: 07.02.2012.
5. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2005. – № 40–41. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. – Дата доступа: 07.02.2012.
6. Нора, П. Расстройство исторической идентичности: доклад на международном круглом столе «История, историки и власть», Москва, 2 февраля 2010 г. / РАН; П. Нора // Мир истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>. – Дата доступа: 07.02.2012.

Поступила 15.03.2012